

На самом деле Цзи Цинбай испытывал некоторую неловкость из-за этого так называемого отношения, ведь его связь с Буддой-Владыкой, помимо отношений старшего и младшего в Обители Будды, заключалась ещё и в том, что в прошлой жизни они чуть не стали супругами в мире смертных. Вспоминая те долгие годы, что он провёл в форме души-ока, наблюдая за Тань Чжаном, он чувствовал, будто сердце готово разорваться. Каждый день, глядя на поддельную статую Будды-Владыки, ему становилось невыносимо тяжело. А когда он думал, что в этой жизни Тань Чжан, вероятно, всё забыл и, возможно, при встрече будет относиться к нему как к незнакомцу, он, с одной стороны, испытывал облегчение, но с другой — чувствовал некоторую тоску.

Он надеялся, что в этой жизни Тань Чжан благополучно пройдёт испытания и не запутается снова в его собственной судьбе, чтобы не ранить друг друга.

И ещё думал: раз уж Будде-Владыке суждено вкусить горечь, пусть хотя бы она будет не столь горькой, как в прошлой жизни, горечь от которой разрывалось сердце.

Цзи Цинбай преклонил колени в Чертоге Безмерности и поднял голову, глядя на статую Будды под потолочной балкой.

Он провёл пальцами по сандаловым чёткам на запястье, закрыл глаза и почтительно коснулся лбом пола.

Даже если это подделка, Цзи Цинбай всё равно горячо надеялся.

О, будда в мире смертных, яви хоть раз чудо.

По логике, когда Будда-Владыка перерождается, спустившись в Нижний мир, он рождается не в обычной семье простолюдинов. Пользуясь удобством положения настоятеля, Цзи Цинбай не раз расспрашивал паломников о богатых и знатных семьях нынешней династии.

Государство Цзинь не было особо богатым и могущественным, угроз по периметру тоже не было значительных, отчего правящий дом предавался удовольствиям, а знатные семьи внизу процветали и набирали силу, занимая высокие посты и обладая большим влиянием. Народ, естественно, тоже сильно подвергался этому влиянию, литераторы и поэты были многочисленны, как перелетающая реку рыба, жизнь проходила в разгуле и веселье.

На этот раз Цзи Цинбай, в отличие от прошлой жизни, не закрывался от мира. Ведь в прошлый раз он жестоко поплатился из-за Мин Хуаня. Вспоминая потом, он думал: если бы раньше разузнал, где находится этот святой демон, итог, возможно, не был бы столь трагичным.

Хотя сейчас положение Цзи Цинбая было несколько неловким, но в храме было много паломников, болтливых и суетливых. Если он проводил больше времени на людях, беседуя о сутрах с одной барышней, читая буддийские тексты с другой новобрачной, то тоже мог много чего разузнать.

В один из дней на улице Саньян в Цинхуалоу несколько барышень пришли вознести благовония. Цинци, первая красавица, была воспитана как барышня из знатной семьи, ещё не вышедшая за ворота: её поддерживала маленькая служанка, а на голове был лёгкий шёлковый головной убор с вуалью.

Управляющий переднего зала принял их и сделал знак глазами сидевшему рядом настоятелю.

Цзи Цинбай не очень понял:

— Учителю нужно читать им сутры?

Управляющий с каменным лицом ответил:

— Нет. Я имею в виду, учителю следует уйти внутрь.

Цзи Цинбай...

Да он же не какой-то затворник!

Цзи Цинбай был несколько недоволен. Маленькая служанка, увидев его, напротив, загорелась взглядом:

— Настоятель Цинбай здесь?

Цзи Цинбай поспешил приблизиться, сложил ладони и с лёгкой улыбкой произнёс:

— Этот смиренный монах свободен.

Служанка покраснела:

— Тогда потрудитесь, настоятель, завязать узелки на удачу для наших барышень.

Завязывать узелки — это то, что Цзи Цинбай довольно хорошо умел. Навык, который он развил в прошлой жизни, вышивая мешочки для благовоний, неожиданно пригодился и в этой жизни, можно сказать, приумножил и применил на практике.

Несколько чистых куртизанок наблюдали, как Цзи Цинбай завязывает узелки, под головными уборами перешёптывались, затем рассмеялись, словно иволги, и самая смелая приподняла край вуали, бросив на него томный взгляд.

— Настоятель, чем вы занимаетесь в храме каждый день? — спросила Таосяньэр, новая первая красавица Цинхуалоу, чьё профессиональное имя было известно даже Цзи Цинбаю. Смеялась, как иволга, тоже она, и её прекрасный голос вполне оправдывал славу.

Цзи Цинбай закончил завязывать её узелок, отодвинулся на пол-локтя и протянул ей:

— Жизнь этого смиренного монаха скучна: лишь диспуты о буддизме и чтение сутр с учениками, уборка и наведение порядка, возжигание благовоний перед лотосом.

Таосяньэр кокетливо прикрыла рот:

— Тогда почему настоятель не спускается с горы прогуляться? Сходить на рынок — тоже хорошо.

Закупками занимался управляющий внутренних дел. Услышав это, он недовольно поморщился. Цзи Цинбай от природы обладал обликом бессмертного. Сколько барышень у подножия горы заглядывались на него! Разве Таосяньэр могла не знать? Стоило ему раз спуститься с горы, как на рясу настоятеля нацеплялось множество ароматных платочков, а самые бесстыдные даже подсовывали любовные записки. Отшельникам не подобает приближаться к женскому полу. Их учитель, хоть и был совершенно свободен от мирских страстей, не должен понапрасну привлекать к себе внимание персикового цвета.

Таосяньэр сознавала, что сказала что-то не то, но не стушеввалась. Её прекрасные глаза

блеснули, и она тихо проговорила:

— Говорят, в последнее время соляные торговцы из Двуречья проезжают через эти места. Тамошняя старая госпожа верит в Будду. Если они остановятся в Чаолине, возможно, пригласят настоятеля почитать сутры.

Цзи Цинбай не знал об этом и заинтересовался:

— Этот смиренный монах не в курсе. Что это за соляные торговцы?

Таосяньэр усмехнулась:

— Какие ещё могут быть соляные торговцы? Конечно, первая семья в столице Цзинь, в Чаолине.

Маленькая служанка, приняв завязанные Цзи Цинбаем узелки, пожертвовала немалые деньги на благовония, а уходя, сунула настоятелю в рукав гадательную палочку.

— Это персиковая табличка моей госпожи. — Маленькая служанка ничуть не смотрела на выражение лица стоящего рядом управляющего и настойчиво сказала:

— Настоятель, сохраните её хорошенько.

Цзи Цинбай был крайне смущён.

Управляющий, дождавшись, когда они уйдут, тут же выхватил у него из рук табличку и с мрачным лицом сказал:

— Совсем не знают приличий!

Цзи Цинбай беспомощно улыбнулся:

— Всё же у них были добрые намерения. Спрячь её.

Управляющий убрал табличку, вспомнил слова Таосяньэр и, немного помедлив, не удержался и сказал Цзи Цинбаю:

— Дело о приезде соляных торговцев из Двуречья, должно быть, правда. Учитель, подготовиться?

Цзи Цинбай вздохнул:

— К чему готовиться? Чаолинь — место цветущее, официальные власти их примут. К тому же, разве соляные торговцы путешествуют со старыми господами из знатных семей? Скорее всего, сюда приедут какие-нибудь младшие родственники из боковых ветвей, нам не о чем беспокоиться.

Сказав это, он сложил ладони и произнёс:

— Амитофо.

Произнеся, вдруг вспомнил о чём-то и поспешно обратился к управляющему внутренних дел:

— Овощи на задней горе ещё не собраны? Давайте вместе пойдём соберём поскорее, а то будут

не свежими, есть — зубы портить!

Управляющий...

В прошлой жизни тело Цзи Юй было слишком слабым, много чего нельзя было есть, каждый день приходилось пить горькие отвары — ужасное состояние. Поэтому даже когда Цзи Цинбай восстановил истинный облик, ещё очень долгое время чувствовал во рту горечь.

В этой жизни Цзи Цинбай, хоть и стал монахом и мог есть только растительную пищу, всё же чувствовал себя гораздо лучше, чем в прошлый раз.

С первого дня, как он стал настоятелем, он усердно осваивал сельскохозяйственные культуры на задней горе: ямс, кукурузу, бамбуковые побеги, грибы — всё, что можно было посадить, сажал. Кур и уток хоть и не ел, но яйца, которые они несли, не были запрещены. Цзи Цинбай каждый день лично вёл всех работать в поле, вечером возвращался в медитационный зал, и даже во снах, которые видел моги, снились обильные урожаи.

Он помнил, что через несколько дней поспеют баклажаны и зелёная капуста, ждал и ждал, и наконец, когда пришло время, встал ранним утром и пошёл всех будить.

У управляющих были другие дела, они могли выделить лишь десяток маленьких послушников сопровождать настоятеля на сбор овощей. Цзи Цинбай не брезговал, снял монашескую накидку, взвалил на спину бамбуковую корзину и повёл толпу тринадцати-четырнадцатилетних маленьких лысых осликов на заднюю гору.

— Настоятель! Настоятель! — тринадцатилетний Бо Цзин размахивал мотыгой. — Сколько нам ещё идти?

Цзи Цинбай, не оборачиваясь, бодро шагал вперёд:

— Здесь бамбуковые побеги, их ещё нельзя собирать. Пойдёмте дальше внутрь.

Маленькие послушники, словно стайка цыплят без перьев, шумно и галдя следовали за ним.

Гора Туошань была немаленькой. Передняя половина горы представляла собой рощу магнолий. Горный храм находился на вершине, а сзади была земля, принадлежащая самому храму.

Гора была высока, дорог не было, но идти было не слишком трудно и опасно. Почва была плодородной, хорошо подходящей для растительности. Цзи Цинбай по пути нарвал ещё несколько редек, вытер землю монашеской одеждой, очистил и раздал маленьким послушникам.

Бо Цзин, грызя редьку, на трудных участках пути старшие ещё несли младших на спине. Цзи Цинбай одной рукой обнял одного, перешёл вброд мелкий ручей, перелез через кусты, дал знак всем отдохнуть.

Бо Цзин зачерпнул воды из ручья, намочил платок и протянул Цзи Цинбаю:

— Учитель-настоятель, не хотите ли воды?

Цзи Цинбай снял с пояса бамбуковую флягу, отпил глоток и передал детям. Видя, как они оживлённо общаются, не мог не вздохнуть:

— Учитель всё же несколько стар.

Бо Цзин уставился на него широко раскрытыми глазами:

— Учитель-настоятель, вы же бессмертный, выглядите вовсе не старым. К тому же, управляющий-учитель и близко не может пройти столько, чуть дальше — и уже жалуется.

Цзи Цинбай сдержанно улыбнулся, взял у него редьку, отломил половину себе. Двое-трое самых маленьких наперебой просились к нему на колени. Цзи Цинбай мог лишь немного поддержать одного, потом другого, велел Бо Цзину раздать оставшуюся редьку.

Но когда редьку раздали наполовину, кто-то внезапно вышел из леса напротив.

Цзи Цинбай поднял голову и встретился взглядом с возглавлявшим группу здоровенным мужчиной. Тот опешил, и его взгляд, острый как молния, устремился прямо на него.

Гора Туошань находилась на границе города Чаолин, иногда торговцы и путники, чтобы срезать путь, проходили через гору. Обычно, когда монахи из храма их встречали, они относились к людям доброжелательно, и если повезёт, можно было получить немного подаяния, заработав несколько монет на благовония.

<http://bllate.org/book/15582/1387618>